

Андрей Корф

Эротический этюд № 52

«Институт соитологии (ИС)»

Корф А.

Эротический этюд № 52 / А. Корф — «Институт соитологии (ИС)»,

ISBN 978-5-425-06603-9

Андрей Корф – автор, изумляющий замечательным русским языком, которым он описывает потаенную и намеренно скрываемую область человеческой жизни. Он называет свои короткие литературные зарисовки эротическими этюдами. Однако, то, о чем он пишет, к собственно эротической литературе имеет отношение только обращенностью к этой стороне нашего бытия, но не она главное в его творчестве. На наш взгляд мы присутствуем при становлении нового литературного стиля описания «картинок с выставки Жизни» в целом. Характерной чертой этого стиля является мозаичное многообразие в описании от чувственно-возвышенного до грубо-омерзительного – одного предмета – нашей жизни. Надеюсь, и сейчас мои этюды смогут помочь одинокому, разрываемому внутренними бесами человеку, найти путь из своей камеры наружу. Напоследок хочу извиниться перед читателем за обилие в этюдах неформальной лексики, натурализма и секса. Категорически запрещаю читать эти рассказы детям до 16 лет – не только из-за мата и секса, но и из-за пессимизма. На самом деле, дорогие дети, в жизни все не так плохо, как описано в этих рассказах. Они – только одна, темная, сторона извечной монеты «ин-янь», которой мы пожизненно расплачиваемся за свое существование.

ISBN 978-5-425-06603-9

© Корф А.
© Институт соитологии (ИС)

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Андрей Корф

Эротический этюд № 52

Часть первая

Шашлычный пятачок на Горбушке. Громко звучит музыка: идет фестиваль на открытой площадке. Камера направляется к одиноко стоящей девушке. Она небрежно одета и на первый взгляд кажется совершенно непривлекательной. Перед ней на столике стоит бутылка пива, а в руке – бутерброд с колбасой. Вид у девчонки неприветливый. Она немного пьяна. В этой и последующих первых сценах она ведет себя как кошка на чужих коленях – напряженно и с готовностью прыгнуть. И одновременно – так же незащитно.

Подойдя к девушке, камера молча смотрит на нее. Девушка нервничает, но не сбегает и в атаку не бросается. Ждет. Глядя «в глаза» камере.

Мы слышим мужской голос. Он принадлежит хозяину камеры и сразу берет быка за рога.

Он: Тебе хорошо?

Она: (с вызовом) Нет.

Он: Я могу помочь?

Она: А ты кто?

Он: Я – человек, который пробует помочь.

Она: Таких не бывает.

Он: А меня и нет.

Она: Тогда как же ты мне поможешь?

Он: Не знаю. Я попробую.

Она: А что ты попросишь взамен?

Он: Ничего.

Она: Так не бывает.

Он: Только так и бывает. Что ты хочешь?

Она: Увези меня из этого города.

Он: Куда?

Она: Куда хочешь.

В лесу.

Он: Тебе хорошо?

Она: Мне лучше.

Он: Ты хочешь поговорить или помолчать?

Она: Не знаю. Спроси меня о чем-нибудь.

Он: Сколько ночей в году?

Она: Одна.

Он: А дней?

Она: Ни одного.

Он: Сколько лет длится эта ночь?

Она: Не помню.

Он: Я похож на того, кого ты ждешь?

Она: Не знаю. Наверное, нет.

Он: Чего ты хочешь?

Он: Чтобы было хорошо.

Он: Как это сделать?

Она: Не знаю. Нужно дожидаться. Но у меня не получается.

Он: Не хватает терпения?

Она: Не знаю.

Он: Ты считала ошибки?

Она: Первый десяток. Потом мне стало страшно, и я перестала.

Он: Ошибаться?

Она: Считать.

Он: С этим деревом ты не ошибешься.

Она: Ты о чем?

Он: Обними его.

Она: Зачем?

Он: Много лет назад здесь была битва. Люди, которым было плохо, били друг друга большими железными палками, чтобы стало еще хуже или капельку лучше. Обними того, кто проиграл. Он теперь живет в этом дереве.

Она: Что мне за дело до него? Это был волосатый, вонючий мужик, который трахал собственную дочь.

Он: Откуда ты знаешь?

Она: Я слышу ее крик.

Он: Врешь.

Она: Вру.

Он: Часто врешь?

Она: Всегда.

Он: Обними дерево. Ты напрасно оскорбила его.

Она: Как я должна его обнять?

Он: Просто. Обнять и прижаться.

Она: Вот так?

Он: Да. Вот так.

Она: Хорошо.

Он: Вот видишь.

Она: Дерево тут не при чем. Хорошо с тобой. Ты скоро ко мне полезешь?

Он: А ты этого хочешь?

Она: Нет.

Он: Значит, нескоро.

Она: Это хорошо. Жалко, что тебя не бывает.

Он: Мне тоже жалко.

Она: Без тебя мне здесь страшно.

Он: В чем твоя беда?

Она: Я – растение. Или животное. А они хотят, чтобы я была человеком.

Он: То есть как они сами.

Она: Да. А у меня не получается.

Он: У меня тоже.

Она: Но ведь ты – один из них.

Он: В том то и дело. Так еще хуже.

Она: А еще я плохая.

Он: Почему?

Она: Меня двое. Или трое. Они все разные.

Он: И не слушаются друг друга?

Она: Они друг друга убивают.

Он: Как?

Она: Не знаю. Вот сейчас одна из них хочет, чтобы ты ко мне полез.

Он: А вторая?

Она: А второй будет больно, если ты это сделаешь.

Он: Что же мне делать?

Она: Что бы ты ни сделал, одна из них будет сыта, а другая – несчастна.

Он: А есть еще третья?

Она: Да. Но она – маленькая. Ее легко прогнать. Она играет в куклы и иногда не замечает, что они – живые.

Он: Она злая?

Она: Нет. Маленькая. А с твоим деревом хорошо. Оно – как большая кукла.

Он: Живая.

Она: Это неважно. Важно, что с ним можно играть.

Он: Нам пора возвращаться.

Она: Я не хочу.

Он: Тогда разденься.

Она: Еще чего!

Он: Тогда поехали в город.

Она: Не хочу.

Он: Тогда разденься.

Она: Зачем?

Он: Чтобы освободиться.

Она: А ты никому не покажешь эту пленку?

Он: Я покажу ее всему миру.

Она: Зачем?

Он: Чтобы весь мир полюбил тебя.

Она: Мне стыдно раздеваться перед всем миром.

Он: Это неважно.

Она: Ты уверен?

Он: Да.

Она: А куда мне сложить вещи?

Он: Мне все равно. Постели их на землю. Я хочу, чтобы ты потом легла.

Она: Мне кажется, что я делаю что-то не так, но мне это нравится.

Он: Разденься – и ложись.

Она: И ты ко мне полезешь?

Он: Если все трое внутри тебя меня позовут.

Она: Так не бывает.

Он: Значит, не полезу.

Она: Хорошо.

Обнаженная, лежит на земле. Камера целомудренно ограничивается ее лицом и плечами.

Она: Что мне теперь делать?

Он: Ничего. Тебе не холодно?

Она: Нет. Мне хорошо. Очень теплый ветер.

Он: Ты ведь растение, помнишь?

Она: Конечно. Я – растение.

Он: Или маленькое животное.

Она: Да.

Он: Я могу покормить тебя. Ты станешь ручной?

Она: Я бы с удовольствием. Но та, другая внутри меня сейчас так обидно хохочет!

Он: Выпусти ее наружу. Я поговорю с ней.

Она: Я уже здесь. Будем дальше болтать или делом займемся?

Он: Я тебя не хочу.

Она: Кого же ты хочешь?

Он: Ту. Другую.

Она: А может, третью? Которая с бантиками?

Он: Может быть, и третью. Только не тебя.

Она: Почему же?

Он: Ты – враг. С тобой мы будем биться насмерть.

Она: Вот и начинай прямо сейчас. Затрахай меня до смерти.

Он: Одевайся.

Она: Струсил?

Он: Нет. Просто сейчас это единственный способ тебя прогнать.

Она: Я вернулась. Мне холодно и я хочу одеться.

Он: Да. Нам пора.

Она: (одеваясь) А ведь я тебе соврала.

Он: Я знаю.

Она: Нас не трое.

Он: Да.

Она: Есть еще одна, которая любит деньги. И дома. И машины. И красивые вещи.

Он: И еще одна?

Она: Да. Которая хочет быть мамой.

Он: Что же мне делать с вами всеми?

Она: А нужно что-то с нами делать?

Он: Надеюсь, хоть одна из вас хочет вернуться в город.

Она: Да. Мы возвращаемся.

Статс-кадр

Магазин

Он: Вы думаете, это то, что надо?

Продавщица: Смотря для чего вам нужна камера.

Он: Я собираюсь снимать свадьбы.

Продавщица: Идеально. Лучшее качество за такую цену. За три-четыре свадьбы она окупится. У вас есть компьютер?

Он: Да.

Продавщица: Вы сможете сбросить на него весь снятый материал – и обработать на большом экране.

Он: Прекрасно. Какое увеличение она дает?

Продавщица: В шестнадцать раз.

Он: На что нужно нажать?

Продавщица: Нащупайте под указательным пальцем рычажок. Есть?

Он: Ага.

Продавщица: Потяните его вправо... Ну, как?
Он: (грудь продавщицы крупным планом) Работает.
Продавщица: В другую сторону, соответственно, уменьшит... Получается?
Он: (все удаляется) Отлично. Как пирожок Алисы.
Продавщица: Что, простите?
Он: Неважно. Я ее беру.
Продавщица: Отлично.
Он: Теперь – дело за свадьбой.
Продавщица: Езжайте на Поклонную гору. Там их сколько угодно.
Он: А вы не собираетесь замуж?
Продавщица: Нет. Я собираюсь разводиться. Вы не снимаете разводы?
Он: Нет. Я снимаю свадьбы.
Продавщица: Значит, нам не по пути. Будете брать за наличные?
Он: Да.
Продавщица: Выписывать?
Он: Выписывайте.
Продавщица: С вас четыреста пятьдесят условных единиц.
Он: А если безусловными рублями?
Продавщица: Минуточку... Тогда тринадцать тысяч четыреста тридцать.
Он: Хорошо. Как ее выключить?
Продавщица: Нажмите на красную кнопку под большим пальцем.
Он: Вам хорошо?
Продавщица: Простите?
Он: Вам хорошо?
Продавщица: Не поняла.
Он: Ладно. Где, вы говорите, эта большая красная кнопка?...
Изображение кувyrкается и гаснет.

Снова Горбушка, незадолго перед первой сценой. На шашлычной площадке выпивают друзья. Приходится орать, чтобы услышать друг друга.

Петрович: Ну?
Илюнчик: Значит, так. Еще по одной – и в Сочи.
Петрович: В Сочи.
Илюнчик: В Сочи.
Он: А камеру обмыть?
Илюнчик: Вот я и говорю. Еще по одной – за камеру...
Петрович: За камеру...
Илюнчик: И в Сочи.
Петрович: И в Сочи.
Он: А станцевать?
Илюнчик: Не вопрос. По одной, танцуем – и в Сочи.
Петрович: По одной.
Он: За камеру.
Петрович: За нее!

Выпивают и танцуют под очень громкую музыку.
Танцуют смешно, синхронно. Возвращаются к столу.

Илюнчик: Все. По одной – и в Сочи. Беспримерный перелет.

Петрович: Подожди. Я еще стих прочитаю.

Илюнчик: А в Сочи? (обиженно)

Петрович: Ты что, не видишь? Нас Андрюша на камеру снимает! А ты тут капризничаешь, как маленький, честное слово.

Илюнчик: Ладно. Читай стих – и в Сочи.

Петрович: (приняв позу) Стих... У тебя там все видно?

Он: Как на ладони.

Петрович: Я красивый?

Он: Аполлон.

Петрович: От Аполлона слышу. Стихотворение. Агния Барто. В лесу родилась елочка, в лесу она и...

Илюнчик: А Бобик жучку дрючит раком. Чего стесняться им, собакам... Поехали!

Петрович: Илюнчик, тебя в Сочи не пустят, потому что ты – лох, и поэзии чужд.

Илюнчик: Ну что вы меня обижаете всю дорогу?

Петрович: Тебя обидишь...

Он: Петрович, читай дальше! Душевно получается.

Петрович: Зимой и летом стройная, красивая была...

Камера уходит от стола и шарит по соседним столикам. Результатом ее прогулки становится находка девушки с пивом и бутербродом. Камера, не раздумывая, направляется к ней.

Илюнчик: Андрюш, ты далеко?

Он: Не дальше Сочи. Выпейте за мое здоровье.

Поезд. Камера стоит на столе и показывает унылые пейзажи за окном. Весенняя грязь сквозь оконную пыль выглядит удручающе. Арматура торчит из нее, как кости из открытых переломов.

Стук колес.

Московский зоопарк, солнечный день. Камера у Него в руках.

Она: Зачем мы здесь?

Он: Посмотреть на себя.

Она: А ты кто?

Он: Угадай.

Она: Наверное, ты хочешь быть слоном.

Он: Все хотят быть слоном. У него такие большие яйца...

Она: Но ты не слон.

Он: Нет.

Она: А кто?

Он: Не знаю. Ты мне скажешь.

Она: Давай сначала найдем меня.

Он: Ты не забыла, что вас много?

Она: Клеток тоже много. Давай поищем.

Он: Давай.

У озерного загончика с фламинго. Она – на фоне птиц.

Она: Похожа?

Он: Давай подумаем. Фламинго – красивая и глупая птица. Летает стаями, похожими на сошедшие с ума закатные облака... Нет. Ты непохожа на фламинго.

Она показывает в сторону толпы людей.

Она: А на них?

Он: Нет. Для меня ты никогда не будешь похожа на них. И самым большим несчастьем для тебя будет родить человеческого детеныша.

Она: На что же я похожа, господин пророк?

Он: А вот на что (срывает придорожный цветок). Это – карликовая орхидея с планеты Чох. Дома она вырастает до трех метров и способна убивать запахом.

Она: Но мы – не на планете Чох.

Он: Нет.

Она: Поэтому я здесь такая маленькая.

Он: И такая чужая.

Она: А ты знаешь кто?

Он: Уже догадалась?

Она: Да! Ты – воробей. Где обедал воробей?... Знаешь такой стишок?

Он: В зоопарке у зверей.

Она: Вот-вот. А обедал он карликовыми орхидеями с планеты Чох.

Он: Но одну пожалел и не съел.

Она: А что же он с ней сделал?

Он: Отвез домой.

Она: И?

Он: Умер от запаха, когда она выросла.

Она: Боже, какие страсти.

Он: Ты обиделась на то, что я назвал тебя маленькой? Она: Да!..

Он: Но ведь ты на самом деле не маленькая.

Она: Пойди и расскажи это всем. А я посмотрю, как они тебе поверят.

Он: Что нам до всех? И что всем до воробья и пучка травы?

Она: Ага. (пауза) И что воробью до пучка несъедобной травы...

Он: Кстати, о несъедобной траве. Не пора ли нам немного подкрепиться?

Она: Ага. Может, вырасту на пару метров.

Уходит, камера гаснет.

Поезд несется дальше, под стук колес.

Кафе.

Она: (отпивая коктейль) Вкусно. Кажется, я уже пьяная.

Он: А какая ты когда пьяная?

Она: Никакая. Ненавижу всех.

Он: И себя?

Она: Нет. Себя ненавижу, когда трезвая. А когда пьяная – люблю.

Он: Расскажи что-нибудь.

Она: Нет. Я лучше послушаю. Вот ты мне скажи, воробей...

Он: Да?

Она: Зачем все эти разговоры? Чтобы потом меня трахнуть?

Он: Конечно.

Она: Правда?

Он: И да и нет.

Она: А зачем еще?

Он: Ты еще не забыла, что тебе было плохо?

Она: Почему «было»? Мне и сейчас хреново.

Он: Но хоть немножко лучше?

Она: Немножко лучше.

Он: И мне с тобой лучше.

Она: Правильно. Потом мы будем трахаться – и нам на пять минут станет совсем хорошо.

Он: Наверняка.

Она: А потом ты зацепишь на Горбушке другую бабу, и тоже отвезешь ее в лес, и попросишь раздеться од каким-нибудь деревом. А может, под тем же самым.

Он: Может, и так. Если она захочет в лес, как ты.

Она: Потом ты отведешь ее в зоопарк...

Он: Если она захочет.

Она: Да. Если она захочет. И будешь говорить, что она не похожа на фламинго, а похожа на дикую орхидею с планеты Швах...

Он: Чах.

Она: Неважно.

Он: Важно!

Она: Не ори.

Он: Не буду.

Она: И тоже трахнешь, и снова пойдешь на Горбушку. Ведь так?

Он: Может, и так. Не знаю.

Она: То есть для тебя мы план построили, так?

Он: Хороший план. Ничего не имею против.

Она: Ну, а мне-то что делать?

Он: А что ты делала ДО этого?

Она: Не помню. Ленилась. Ждала.

Он: Глотка родниковой любви...

Она: Что-то вроде того.

Он: Так зачем ты сейчас норовишь насрать в колодец, из которого собираешься пить?

Она: Ой-ой-ой... Да мы, никак, рассердились.

Он: Нет. Продолжай.

Она: Я просто хочу спросить. Зачем вся эта херня про орхидеи и воробьев, если ты просто хочешь затащить меня в постель. Ведь, насколько я помню, в лесу ты уже мог это сделать.

Он: Чуешь подвох?

Она: Чую.

Он: У меня нет ответа.

Она: Может, просто не стоИт?

Он: А ты положи туда ножку и подожди полминуты.

Она: Прямо сейчас?

Он: Почему бы нет?

Она: Налей мне еще рюмку.

Он наливает. Она пьет.

Она: Кладу?

Он: Клади.

Она: Продолжаем разговор.

Он: А нечего продолжать. Я же тебе сказал, что у меня нет ответа.

Она: Ну, ты хотя бы спроси меня, что я о тебе думаю.

Он: Что ты обо мне думаешь?

Она: Ты – взрослый дядька, который изо всех сил пытается выглядеть мальчиком, но у него ни черта не получается.

Он: Угадала.

Она: А зачем тебе... Ого! Кажется, получилось... Ногу убирать или оставить?

Он: Убирай.

Она: Так зачем тебе это?

Он: В детстве все было хорошо, а сейчас плохо.

Она: Ах, да! Десять лет назад тебя любили девочки, а сейчас не любят.

Он: Не в этом дело. Десять лет назад я мог плакать от музыки. И это было приятно.

Она: Ты не один такой. Все перестают плакать от музыки, как только для слез находится более серьезные поводы.

Он: Да. Но не все помнят, КАК это было приятно.

Она: А ты помнишь?

Он: Да.

Она: Бедный.

Он: Да.

Она: Зачем же тебе я, дядя мальчик? Я ведь уже взрослая, хоть и маленького роста.

Он: Такая, как сейчас, ты мне незачем.

Она: Ну и вали отсюда.

Он: Как скажешь...

Камера гаснет.

Камера по-прежнему стоит на столике в купе, направленная в окно.

Стук колес.

Знакомый лес, на следующий день. Сначала пусто, потом вдали мелькает куртка. Камера следит за Ее приближением. Она подходит к камере и смотрит в нее, виновато улыбаясь.

Она: Здесь и сейчас?

Он: Да.

Она: Выключи камеру.

Он: Ты просишь?

Она: Я требую.

Он: Хорошо. Только загляни в нее напоследок. Как в колодец.

Она смотрит в камеру и показывает язык.

Экран гаснет.

Камера по-прежнему конспектирует виды из окна.

Платформа Ленинградского вокзала. Вечер. У поезда, через окно – Петрович и Илюнчик. Навеселе.

Петрович: Андрюш, ничего не забыл? Коробку передашь тете Тамаре, а сумку – тете Вере.

Он: Все помню, Петрович.

Петрович: Повтори!

Он: Коробку – тете Тамаре, а сумку – бабе Вере.

Петрович: Тетя Тамара – это которая с усами.

Он: Тамара с усами. А Вера – без усов.

Петрович: А Вера без усов.

Илюнчик: Андрюнич, про Ленку не забыл?

Он: Нет. Передать, что в июле приедешь.

Илюнчик: Да не в июле, а в июне, чайник!

Он: Не вопрос. Скажу, что приедешь в мае с семьей и детьми.

Илюнчик: Да ты чего, в натуре! Она меня потом убьет. Значит, скажешь Ленке, что в июне, а Светику -

то в июле. Понял?

Он: Как мне их различить-то?

Илюнчик: У Светика телефон на 234, а у Ленки – на 432. Записал?

Он: Ручки нет.

Илюнчик: (машет рукой) Ладно, ты им ничего не передавай. В мае к Наташке поеду.

Петрович: Молчи уж, кобель.

Илюнчик: Слышь, Петрович, а поехали сейчас. Вместе с ними. Я тебя со Светиком познакомлю.

Петрович: Ага. А я тебя – с тетей Тамарой.

Он: Которая с усами?

Петрович: Она.

Илюнчик: (берет Петровича в охапку) Петрович, поехали! Душа горит. В Сочи из за этого чайника не съездили, теперь он, гад, в Питер без нас уедет.

Петрович: Илюнчик, остынь.

Илюнчик: В Питере остынем. Андрюш, поставь поезд на ручник, я пойду с проводником добазарюсь.

Петрович: Скорее бы вы уже поехали. Еще минут пять я его продержу.

Илюнчик: Ты – меня?! Пять минут?! Не свисти!

Ее голос: Мужики!

Петрович и Илюнчик: Ау! Ее голос (камера разворачивается на его хозяйку): Я вот тут хотела спросить... Вы и вправду такие хорошие или придуриваются?

Илюнчик: Я и вправду, а Петрович придуривается.

Она: А этот... С которым вы меня отпускаете?

Илюнчик: Подлец полный.

Петрович: Хуже засранца я не знаю.

Илюнчик: Утопи его в Неве – и приходи ко мне жить.

Петрович: Только подожди на берегу, чтобы не всплыл. А то такой еще не утонет. Сама понимаешь.

Илюнчик: А всплывет – ты его веслом по голове. И – ко мне.

Поезд трогается.

Илюнчик: Значит, Светке не забудь передать...

Петрович: (одновременно) А сумку – тете Вере...

Удаляясь, танцуют на перроне коронный «горбушечный» танец. Скрываются с глаз долой вместе с перроном.

Камера в купе подхватывается в руку, поднимается и разворачивается. Она сидит напротив, в домашнем халатике. На столе – бутылка вина и дорожная закуска.

Она: Как меня достала твоя камера!

Он: Это ерунда. Знала бы ты, как она МЕНЯ достала.

Она: Вот и дай ее сюда.

Он: Не дам.

Она: Дашь.

Он: Не дам...

Она: Ну, держись...

Возня за обладание камерой. Перед объективом творится чехарда. В конце концов, камера оказывается в ее руках.

Мы впервые видим Его. Он сидит напротив, за столом, вид растрепанный.

Смотрит в камеру.

Она: Чего уставился?

Он: Пользуюсь случаем, чтобы посмотреть на тебя двумя глазами.

Она: И как?

Он: В два раза лучше, чем одним.

Она: Подлизываешься?

Он: Ага.

Она: Не выйдет, дядька. А ну выкладывай все как есть!

Он: Куда выкладывать? На стол?

Она: Еще чего! Сюда выкладывай, в камеру. А то молчит, а глаза хитрые! О чем молчишь?

Он: О тебе молчу.

Она: А о чем думаешь?

Он: О чем в поезде думать?... Так... О минуте.

Она: О какой такой минуте? Что-то ты темнишь, дядька.

Он: Вот прошла минута. За нее много чего случилось.

Она: Например?

Он: Кто-то родился. Минуту назад его голова торчала между мамкиных ног, как арбуз на бахче. А сейчас чья-то рука, большая, как Театральная площадь, держит его на весу, и он уже прокричал свое первое «кукареку».

Она: А еще?

Он: А кто-то испустил дух, и сейчас идет по тоннелю.

Она: Ты – придурок. Неужели нельзя подумать о чем-нибудь нормальном типа расписания поездов?

Он: Можно. Но за минуту с ним ничего не случилось. И не только с ним. Все камни стоят где стояли, дома не перешли на соседнюю сторону улицы, а один мой приятель как был дураком, так и остался. Но!

Она: Что?

Он: Альпинист поднялся на десять метров ближе к цели, вор набрал последнюю цифру кода, а Танька с Таганки испытала первый в своей жизни оргазм и теперь удивляется, какой длинной может оказаться минута.

Она: Ты на что намекаешь? Какая еще Танька?!

Он: Не знаю. Наверное, веселая и крашенная под Мэрилин Монро.

Она: Слушай, дядька. Ты и вправду придурок?

Он: Это плохо?

Она: Это холодно, и сквозняк. Дует по ногам.

Он: Положи их ко мне на колени.

Она: Вот так? (кладет)

Он: Вот так. Теперь думать не о чем. Голова пустая, как голубятня в праздник.

Она: При чем тут голубятня?

Он: Вот и я думаю, при чем тут голубятня?... Слышишь шаги?

Она: Нет. А ты?

Он: Слышу.

Она: Кто там?

Он: Следующая минута. Крадется, как кошка. За нами, голубками.

Она: Значит, следующая минута – наша?

Он: И наша тоже. (одними губами) Иди ко мне...

Она: Выключать эту штуку?

Он: Как хочешь...

Темнота.

Питер, Дворцовая набережная, белая ночь.

Он: Добро пожаловать на бал призраков. Узнаешь этого чернявого кавалера?

Она: Кажется, я видела его в каком-то учебнике. Это поэт?

Он: В свободное от любви время – да. Скоро его убьет красивый и глупый кавалергард. Он будет целиться в ногу, но попадет в живот.

Она: Кажется, эти призраки танцуют.

Он: Да. Им трудно танцевать на живой трясине из мертвецов, которые строили этот город. Но они очень стараются.

Она: Им не страшно?

Он: Им очень страшно и противно. Чтобы не слышать криков, они приказали оркестру играть громче, а ночи – никогда не наступать...

Эрмитаж, залы искусства XVII века.

Она: (глядя на ложе с балдахином) Ничего не имею против этой кровати. Но где мы поставим телевизор?

Он: Наверное, придется выбросить эту вазу.

Она: Только через мой труп.

Он: Хорошо. Тогда обойдемся без телевизора.

Она: Нет. Ты купишь мне плоский Bang Olufsen и привинтишь его к потолку.

Он: Ого, какие слова ты знаешь...

Она: Ты про потолок?

Он: А зеркало? Тебе нужно зеркало?

Она: Я со своими габаритами уместаюсь в карманном зеркальце.

Он: Тогда зачем тебе такая большая кровать?

Она: Такая большая кровать, как вы изволили выразиться, нужна не мне, а нам.

Он: Зачем? Мы же спим, обнявшись.

Она: Зато когда поссоримся, можно будет разбежаться на три метра. Чтобы даже блоха не допрыгнула.

Он: Мы не будем ссориться.

Она: Еще как будем.

Он: Нет, не будем.

Она: Нет будем! (зловещим шепотом)

Он: Да тише ты!

Питер, Дворцовая набережная, белая ночь. Камера в руках у Нее.

Он (облокотясь на перила): Здесь я однажды встретился с собой. Это было довольно страшно.

Она: Как это выглядело?

Он: Это было ночью, а он, который я, стоял на том берегу Невы, у стены Петропавловки.

Она: Как ты его разглядел? Мне отсюда ни черта не видно.

Он: Мне тоже не было видно. Я просто точно ЗНАЛ, что там стоит мой двойник. И помахал ему рукой.

Она: А он?

Он: Ничего. Отвернулся и шагнул в стену.

Она: А ты допил бутылку и пошел спать.

Он: Ага.

Она: Врешь, как всегда?

Он: Вру, как всегда. У меня и пальто такого никогда не было.

Она: При чем тут пальто?

Он: У него было пальто, похожее на крылья, сложенные за спиной. Как у ночных бабочек.

Она: Жуть.

Он: Ага. Вот так разминешься со своим ангелом, а потом ищи его. Как после этого бутылку не допить?

Камера отворачивается к Петропавловке. Внизу кадра лениво ворочается Нева.

Эрмитаж, бальный зал.

Она: А здесь мы будем принимать гостей. Ты любишь гостей?

Он: Если среди них нет красивых глупых кавалергардов.

Она: Хорошо. Мы будем приглашать умных толстых полковников.

Он: Я не возражаю и против пары-тройки принцесс.

Она: Ах так! Тогда без кавалергардов не обойтись.

Он: Хорошо. Только пусть это будут гусары. Они не такие наглые.

Она: Кто говорит о наглости, ваше сиятельство? Мы говорим всего лишь о танцах.

Он: Тогда разрешите заполнить собой вашу танцевальную квитанцию.

Она: Всю?

Он: Всю-превсю. Включая графу «Итого».

Она: Эта квитанция и так заполнена вами, дяденька. Раз и навсегда.

Он: Если бы ты только знала, как в это трудно поверить.

Она: Давай не будем об этом.

Он: Давай.

Она: Ты слышишь музыку?

Он: И слышу и вижу, как призраки пляшут, наступая друг другу на ноги.

Она: Присоединимся?

Он: Начинай.

И она начинает – маленькая, хрупкая, в белом платье, с распущенными волосами. И музыка становится слышна, набирает силу, эхом мечется по залу.

Камера пускается в путь, окружая Ее танец, как загонщики – косулю.

И редкие туристы с улыбками таращатся на происходящее...

Питер, Дворцовая набережная, белая ночь. Нева.

Он: Я видел много рек. Но ни в одной нет такой страстной мощи. Такой смертной тоски. Нева похожа на Стикс. В ее плеске слышны стоны и музыка. А ведь бывают еще и наводнения! Хотел бы я увидеть хоть одно.

Она: Сейчас увидишь, потому что я очень хочу писать. Я понимаю, что призракам это на фиг не нужно, но живые люди тут как то решают эту проблему?

Он: Можешь не искать казенный сортир. Я уже попробовал однажды.

Она: И как?

Он: Никак.

Она: Что же делать?

Он: Пойдем в Летний Сад. Там тебя ждут райские кущи.

Она: Ох... Искуситель... Надеюсь, там ты выключишь эту чертову камеру?

Он: Не дождешься.

Она: Но ты хотя бы отойдешь на пару шагов.

Он: Хорошо.

Кусты Летнего сада и белое платье, присевшее в реверансе.

Темнота.

Зажигается спичка и подносится к свече.

Свеча не освещает ничего, кроме собственного фитиля.

До поры до времени.

Мальчишник у Него. Камера у Него в руках.

Стол выглядит, мягко говоря, странно. Мальчишник есть мальчишник, поэтому для антуража приглашена «ночная бабочка». Ее зовут... Ну, предположим, Светик. Или Ленчик. Или еще как. Не важно. Я буду называть ее просто Ляля.

Просто Ляля лежит на столе и выполняет роль живого подноса. Ее руки мечтательно сложены за головой, на животе тает кусочек сливочного масла, грудь сервирована красной икрой, а на причинном месте целомудренно стоит блюдце с мелко порезанными французскими булочками.

Петрович: Ну, что, Андрюш... За твой последний мальчишник...

Илюнчик: (зачерпывая масло и икру с Ляли) Погоди, Петрович. Дай закуску соорудить.

Петрович: Жду.

Илюнчик заканчивает сооружение бутерброда и принимает в руку стопочку.

Петрович: Готов?

Илюнчик: Всегда готов.

Петрович: Андрюш, за тебя. В этот горький день,

Илюнчик: Золотые слова...

Петрович: когда ты прощаешься с холостяцкой жизнью, я хочу сказать одно...

Илюнчик: Сматывайся в Сочи.

Петрович: Да подожди ты. Так вот. Ты прав, Андрюш. Несвобода лучше, чем одиночество.

Илюнчик: Вот заливает. Покороче, Петрович. Трубы горят.

Петрович: Не гони. Андрюш, за тебя и твою будущую жену! (чокается и выпивает)

Илюнчик: (выпив) А я тебе так скажу... Вот есть у меня один приятель. Он продал квартиру и купил акции МММ.

Петрович: Ну и мудак.

Илюнчик: (подняв палец) Вот! Золотые слова! Но я скажу так: он был бы еще большим мудаком, чем если бы женился.

Петрович: Ты на что намекаешь?

Илюнчик: Я намекаю на то, что лучше сразу лечь и помереть, чем ждать, пока тебя сведет в могилу баба. Правильно, Светик?

Ляля: Я не Светик.

Илюнчик: Ну, хорошо. Не Светик. Все равно скажи, правильно я говорю?

Ляля: Нет.

Петрович:(Ляле) Молодец!

Илюнчик: Ну чего вы меня опять всю дорогу обижаете?...

Ляля: А мне можно водки?

Петрович: (наливает) Можно.

Илюнчик: (сооружая новый бутерброд из лялиного изобилия) И даже нужно.

Ляля: (приподнимаясь) Я хочу выпить за вашего друга, чтобы у него с женой все было хорошо.

Илюнчик: (растроганно) Золотые слова.

Петрович: Ну вот, видишь.

Илюнчик: (Ляле) Давай и мы с тобой поженимся.

Ляля: Занимай очередь.

Илюнчик: А без очереди?

Ляля: А для тех, кто без очереди, своя очередь.

Петрович: Есть предложение еще выпить.

Илюнчик: Наливай!..

В пламени свечи появляется Она. Профиль, плечи. Как монета на черном бархате.

Она: Я ненавижу тебя.

Я ненавижу тебя за твое вечное детство. За игрушки, в которые ты заставляешь меня играть. За твою вечную оценку каждого моего слова, жеста, взгляда.

Я ненавижу тебя за ту власть, которую ты надо мной имеешь. За ту слабость, которую я испытываю рядом с тобой. Я ненавижу тебя за то счастье, которое ты мне даешь, потому что каждая крупинка этого счастья оплачена моей волей и молодостью. Я ненавижу тебя за твои привычки, которые я не в силах изменить и в которых нет места для меня. Я ненавижу тебя за то, что буду всегда только частью твоей жизни, в то время как ты и есть – моя жизнь.

Я ненавижу тебя за то, что сижу в партере, а ты стоишь на сцене, и я здесь для того, чтобы смотреть только на тебя, а ты – для того, чтобы взять нас всех. Мои одинокие аплодисменты только разозлят тебя. А в той овации, которой ты хочешь, они будут просто не слышны.

Я ненавижу тебя.

Девичник у Нее. Снимает Она, и мужчин здесь нет.

Вся сцена должна быть написана женщинами.

В пламени свечи появляется Он. Она остается на своем месте. Свеча висит между их профилями, создавая очертания бокала, наполненного мраком.

Он: Я ненавижу тебя за твое рабское, собачье непонимание во взгляде. Чем старательнее ты изображаешь свою причастность к моему миру, тем виднее пропасть, которая лежит между нами. Я ненавижу тебя за то, что ты никогда не согласишься на мир моими глазами, и мне суждено коротать век в ледяном одиночестве.

Я ненавижу тебя за то, что ты живешь телом, и его прихоти для тебя всегда будут главнее, чем движения души. И если сейчас твое тело тянется к моему, то завтра оно пресытится или соскучится, а других причин для любви у тебя нет и не будет. И мне придется покупать тебя, чтобы не потерять, и я ненавижу тебя за это. Потому что всегда найдется кошелек толще моего, и хуй длиннее, и румянец ярче. Но главное – кошелек. Я ненавижу тебя за то, что отныне мне придется переламывать пополам каждый кусок хлеба, а ты никогда не скажешь мне спасибо за это. Потому что так было всегда, и, если кто-то предложит тебе хлеб с маслом, то ты примешь его без колебаний и отплатишь тем, чем всегда платят женщины.

Я ненавижу тебя за то, что я для тебя – еда, и если сегодня ты слизываешь с меня сахар, то завтра с хрустом примешься за кости. А когда не останется ничего, ты снова выйдешь на охоту, бросив напоследок горсть жалких оправданий.

Я ненавижу тебя.

Делопроизводительница ЗАГСа откатывает свою обязательную программу. Камера в руках у свидетеля. Молодые стоят, пряча улыбки, друзья дурачатся на заднем плане.

Делопроизводительница: Сегодня, в этот знаменательный день, вы связываете свои сердца и жизни семейными узами. Пусть эти узы не превратятся в путы и не помешают вам шагать по жизни легко и уверенно. Напротив, пусть они станут вашей страховкой на тот случай, если один из вас пошатнется или упадет. Тогда второй подставит плечо и следующий шаг вы сделаете так же уверенно, как и все предыдущие...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.